

Светлана Сергеевна Голубева родилась в Пскове. Окончила естественно-географический факультет Псковского педагогического института. Публиковалась в журналах «Роман-журнал XXI век», «Новый Енисейский литератор», «Огни Кузбасса», «Подъём», региональных альманахах и изданиях. Автор книг «Вера», «Ветра и птицы», «Капельки». Дипломант конкурса им. А. Толстого, лауреат Всероссийской поэтической премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. Живет в городе Орле.

Светлана Голубева

ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ

ИЗБОРСК

Мной что-то забыто на древней земле,
И многие годы я каждое лето
Ищу это что-то в старинном селе,
А может быть, просто не слышу ответа...

Я здесь историей с рожденья,
Как сказкой, обворожена,
Ребенком в церковь без смущенья
Ходила в ближнюю одна,
Глядела смирно на святых
В резных окладах золотых.

Изборский кром был мой ковчег,
Казался мне нерукотворным,
В матерый выступ, скальный берег
Пустивший кряжистые корни.

Знакомых круч известняковых
Отвесно дыбятся пласты,
И все, что, стало быть, от Слова,
Хранят слоистых толщ листы,
Меж ними вкрадчиво лепечут,
Сбегая в озеро, ключи.
Природы голос, чист и вечен,
Здесь испокон веков звучит.
Звучал...

С годами возвращенья
Иные дарят ощущение.

Изборск год от году новей:
Вот храм побелен, дом покрашен,

И с новой кладкою каменной
Заметней мощь стены и башен.
Здесь путешественников рой
Влечется очередью звонкой
Экскурсионною тропой
По всей моей родной сторонке.

Во многозвучии речей,
В потоках праздного народа
Нет уголка, где зов природы
Услышан памятью моей.
И тем нелепей правда дня:
Мне, знавшей прежнюю свободу,
Билетик должно взять у входа
В места, взрастившие меня...

На ком вина, что жизнь сложна
И в ней ничто не сокровенно?
Но жаль узнать, что есть цена
Всему, что свято и бесценно.

ПРАВЕДНИК

На горизонте брезжит тусклый свет,
Во всю готовый мощь вот-вот разлиться,
И напитать собою все окрест,
И в жар полдневный вскоре превратиться.
Пока он робко льется на простор:
На склоны верениц покатых гор,
Изрезанных ветвистыми браздами —
Дождей, снегов ли вечными следами, —
В белесоватых гибких лентах троп
Овечьих стад и человеческих стоп,
Обвалы, валунов нагроможденья,
В низинах узких бедные селенья.
Повсюду проясняются картины
Земли священной, древней Палестины,
Что вечным словом некогда воспета
И Ветхого, и Нового Завета...

Хулой крестьяне одного селенья
Испытывали Божие терпенье.
К ним долго был великодушен Бог,
А все же больше вынести не мог
И вот замыслил, гневен и велик,
Безумьем сельский напитать родник.
Один бедняк, что честь берег свою,
Убогое жилище и семью,
Жил просто, смиренно, пусть и небогато,
И скромное его кормило стадо.

Имел он мало, а считал, что много,
За то превозносил в молитвах Бога.
Всевышний, как бы ни был удручен,
Не притеснит невинного ни в чем,
А потому, лишь только день угас,
К смиреннику воззвал заветный глас.
«Вода в потоке на краю селенья
Повергнет разум в тьму самозабвенья,
И быть тому в отплату за грехи,
Но ты смотри, не пей из той реки», —
Велел Господь, и кроткий человек
Всю ночь не мог смежить усталых век,
Молитвы бормотал во мраке душном
И обещал быть Господу послушным.

Когда долин коснулся первый свет,
Всевышнего исполнился завет.
Пастух ли, жница, плотник, стар и мал
Себя собой уже не сознавал,
Не стало ни старейшин, ни отцов —
Толпа одних беспомощных глупцов.
Остался среди них, благословенный,
В своем уме лишь праведник смиренный.
Ему бы важным сделаться лицом,
Да стал народ трунить над мудрецом,
Свершения его иль начинанья
Подвергнуты бывали осмеянью.
За то, как жил, чего от жизни ждал,
В соседях он презренье возбуждал;
Знав Божью, он не знал людскую милость...

Но вдруг на новый лад ему открылась
История его неожиданных зол:
«Что, если это я с ума сошел,
И рокового Божия решенья
Я истинного не открыл значенья?»

Он пас овец от хижины вдали,
Когда к нему сомнения пришли.
Бродя по скудным пастбищам отрогов,
Мудрец безмолвно обратился к Богу:
«Границы нет у мудрости Твоей,
Смелы и велики Твои затеи!
Прости, что я, ничтожный из людей,
Твой раб, твой червь, понять их не умею.
Возмездие Твое совершено —
Ты прав и волен в этом, без сомненья,
Но осознать безумным не дано
Ни горя их, ни жажды искупленья!
Не ведают они большой душой,
Что множат грех, и без того большой.

Так неужели волею Господней
Гореть им после смерти в преисподней?
Услышь мою взволнованную речь:
Хотел бы я, но мне не оберечь,
Не отмолить безумных земляков —
Зачем тогда и сам я не таков?»

Он бросился к селенью, на родник,
И к струям обжигающим приник,
И, осыпая брызгами, лежал
Всю ночь на влажном щебне между скал.

Но вот едва взошедшее светило
Слой плоских облаков позолотило.
Бог спящего узрел у родника,
Согрел его и осветил слегка.
Быть может, в этот миг, в сырой долине,
Впервые Он задумался о Сыне...